

Эта история берет свое начало на заре сотворения Шести Миров. Спустя десятки тысяч лет после того, как на свет явились Гэньюй и Фушан, в мире наконец зародилась жизнь, принявшая мириады различных форм. Созданий становилось все больше, и вскоре все они смешались в едином хаосе.

Если не считать человеческий род, то среди остальных пяти рас лишь ничтожно малая часть существ рождалась с корнем чувств и была способна испытывать эмоции. Большинство же оставались холодными и жестокими. Для них убийство было обыденным делом; лишенные сострадания, они признавали лишь закон силы. В результате мир погрузился в нескончаемую череду войн, несших гибель всему живому. Земля была усеяна костями, а реки окрасились кровью.

Видя это бедствие, Гэньюй израсходовал остатки своих божественных сил, чтобы сотворить корни чувств и наделить ими расу Небожителей, передав эту способность и их будущим поколениям. И хотя Небожители обрели способность чувствовать, их эмоции все равно оставались куда более холодными и отстраненными по сравнению с человеческими. Впрочем, для их расы этого было достаточно. Позже Отец Небесный разделил все живое на Шесть Миров, поручив их управление различным расам, а во главе поставил Небожителей, вменив им в обязанность поддерживать вселенское равновесие.

Однако после разделения миров расы демонов, духов, призраков и ведьм, хоть и были подавлены силой Небожителей, не желали мириться со своей участью. Видя, что Небожители и люди обладают тем, чего они сами лишены, они то и дело устраивали набеги. Особенно страдали люди — их раса была слишком слаба и едва не оказалась на грани полного истребления.

Разгневанный Отец Небесный наложил строжайший запрет, закрыв четырем мятежным расам доступ в Мир людей. Но это лишь усугубило их ярость и обиду. Снова и снова они разжигали пламя войны по всем Шести Мирам, и даже карательные походы Небожителей не могли утихомирить этот бунт.

— С какой стати Небожители стоят во главе Шести Миров?! — гремел голос одного из восставших. — С какой стати люди, эти жалкие ничтожества, заслужили такую заботу от Гэньюй и Фушан?! Почему у них есть корень чувств, а мы лишены всего? Нас называют жестокими и варварами... Но ты, Цзюфан, ты ведь демон! Неужели ты готов безропотно сносить презрение слабаков и высокомерие этих чистоплюев-небожителей? Неужели тебя это устраивает?! Гэньюй и Фушан величают Отцом и Матерью всего сущего, но они неприкрыто покровительствуют Небожителям! Справедливо ли это?!

— К черту этот корень чувств, не больно-то он нам и сдался! Но я не намерен мириться с их лицемерным благочестием! Раз они считают наши четыре расы грубыми и свирепыми варварами, мы будем резать их до тех пор, пока они не замолкнут!

Спустя несколько тысяч лет после окончания обучения в Священной бездне Западных гор, Хуа Уцзянь тоже оказался втянут в эту кровопролитную войну рас. Будучи от природы наделенным колоссальной силой демона, приумноженной годами изнурительных тренировок, теперь он обладал поистине ужасающей мощью. Вполне естественно, что вскоре он возглавил собратьев, и те провозгласили его своим Повелителем Демонов.

Цзюфан, охваченный тревогой, пытался вразумить его:

— Если вы продолжите в том же духе, Шесть Миров просто рухнут! Повсюду воцарится хаос, погибнут невинные! Уцзянь, прошу тебя, остановись! Хватит проливать кровь!

Хуа Уцзянь молча выслушал его, а затем холодно усмехнулся:

— Я знаю, что ты дружишь с Небожителями. Но ты и сам демон! Как ты можешь безучастно смотреть на то, как притесняют твой собственный народ, да еще и защищать наших врагов? Ты... — он посмотрел на него с ледящим весенним холодом, — обыкновенный предатель. Ты разочаровал меня, Цзюфан.

От этих слов Цзюфан покачнулся, словно от сильного удара. Он почувствовал невыносимую горечь, а в горле пересохло от боли. Сделав глубокий вдох, он устремил взгляд на Хуа Уцзяня, который на мгновение замешкался, и предпринял последнюю попытку:

— Отец Небесный вовсе не был предвзят. Просто его божественных сил хватило лишь на то, чтобы наделить корнем чувств одну-единственную расу. Это было вынужденное решение, иного пути не существовало...

Он отвернулся, скрывая переполнявшую его печаль:

— Я понимаю твою обиду. Но понимаешь ли ты, что за собой несет этот хаос? Горы трупов, выжженная земля и бесконечные реки крови...

— Ну и пусть! — отрезал Хуа Уцзянь. — Нам что, сложить оружие и безропотно сносить унижения от Небожителей и людей? Позволить Гэньюй навсегда оставить нас прозябать на обочине мироздания?

Цзюфан крепко сжал кулаки под просторными рукавами своего одеяния и тихо произнес:

— То, чего вы так страстно желаете... я дам вам.

Он грустно улыбнулся. Ему безумно хотелось, чтобы Хуа Уцзянь наконец узнал, что такое любовь и привязанность. И даже если, обретя чувства, этот юноша так и не полюбит его самого... по крайней мере, это будет его прощальный дар. Пусть у мальчика останется хоть что-то, что заставит его помнить о нем.

Хуа Уцзянь не придавал значения его словам. Его лишь раздражало, что Цзюфан стоит к нему спиной, словно не желая даже смотреть на него. В душе поднялась волна глухого гнева. Он протянул руку, чтобы схватить Цзюфана за плечо, но тот успел сделать шаг вперед, ускользая от его прикосновения.

— Ты стал слишком безрассудным, и я больше не могу быть спокоен за тебя, — вздохнул Цзюфан, так и не обернувшись. — Но раз уж ты во мне разочаровался и больше не намерен слушать моих советов... Что ж. Прощай.

Хуа Уцзянь сделал пару шагов вслед его удаляющемуся силуэту, но так и не решился догнать.

«Этот мальчишка всегда был невыносимо бессердечным», — с тоской подумал Цзюфан, сидя на пушистом облаке, уносившем его прочь.

Место, где Цзюфан и Хуа Уцзянь когда-то впервые встретились, находилось на стыке четырех миров — призраков, ведьм, духов и демонов. Это была дикая, ничейная земля, которую Цзюфан про себя называл Лесом Девяти Комнат.

Именно туда он и направился. Там, глубоко в чаще, он решил вырастить особое дерево, орошая его кровью из самого сердца. Каждая капля этой крови была напитана его чистой демонической силой и энергией первородного духа. Но цена такого творения была слишком высока: как только дерево будет выращено, Цзюфан полностью исчерпает свои жизненные силы, что неизбежно приведет к окончательному рассеиванию его Божественной Души.

Если бы это божественное дерево зацвело, каждую тысячу лет оно приносило бы плоды, обладающие теми же свойствами, что и корень чувств. Любому, кто отведал такой плод, откроется способность испытывать глубокие эмоции. Единственный изъян заключался в том, что эта сила не передавалась по наследству — каждому новому поколению пришлось бы вкушать плоды заново.

Оставался последний шаг. Оставив Хуа Уцзяню подробное письмо на десяти страницах, Цзюфан отправился в Лес Девяти Комнат и устроился под корнями исполинского дерева, чья кора отливала лазурью.

В этот момент юный Повелитель Демонов наверняка снова вел свое войско в бой, так что письмо он прочтет еще нескоро.

— Никогда бы не подумал, что ты окажешься демоном, готовым принести себя в жертву ради блага всего мира, — раздался рядом удивленный голос Цииня. — Хотя, если поразмыслить... ты ведь всегда был именно таким.

— А я не думал, что проводить меня в последний путь явишься именно ты, — ответил Цзюфан, сидя со скрещенными ногами у подножия древа. — Хотя, если подумать... ты ведь никогда не упускал возможности поглазеть на чужие драмы.

— Что за напраслина? Ты сам обещал, что если я поклянусь защитить Хуа Уцзяня, когда ему будет грозить смертельная опасность, ты отдашь мне самый первый плод с этого дерева. Вот я и пришел за своей наградой.

Цзюфан мысленно усмехнулся. Он полагал, что Циинь откажется, поэтому заключил точно такую же сделку с Бэйхао, пообещав первый плод и ему. Но распространяться об этом не стал: чем больше сильных покровителей будет у его мальчика, тем лучше.

— Страшно? — спросил Циинь.

— Хм?

— Ты медлишь, — указал бог.

Цзюфан действительно хотел урвать еще немного времени, но настойчивость Цииня... что ж, тот буквально торопил его навстречу смерти.

В руке Цзюфана материализовался острый кинжал. Не колеблясь, он вонзил лезвие прямо в сердце, высвобождая драгоценную кровь. Багровые капли заструились по обнаженным корням дерева. Жадно впитывая влагу, исполинское древо затрепетало, устремляясь ввысь, а его ветви мгновенно покрылись бутонами цветов, полыхавших ярким, безумным пламенем.

Вслед за этим цветы стремительно опали, и на их месте начали завязываться первые плоды.

Из уголка губ Цзюфана потекла струйка крови. Он поднял глаза на созревающие плоды и слабо улыбнулся:

— Получилось...

Огромное дерево продолжало безжалостно вытягивать из его тела фиолетовую демоническую энергию и силу первородной души.

— Как ты назовешь его? — спросил Циинь, любясь зрелищем.

— Древо Девяти Комнат.

— И все же я не понимаю вас, существ с корнем чувств... Стоит ли оно того?

— Стоит. Еще как стоит, — Цзюфан с трудом поднялся на ноги, закашлявшись. — Плод заберешь сам. Но помни: самый лучший, сочный плод предназначен для него.

— Неужели среди них есть лучший?

— Разумеется.

— Да твоя предвзятость безгранична, как Восточное море!

— Мы знакомы целую вечность, Циинь, но ты пришел лишь для того, чтобы поторопить мою смерть, не выказав ни капли жалости. Так стоит ли удивляться моей предвзятости?

— Так ведь тот, ради кого ты все это затеял, даже не соизволил явиться! — парировал бездушный бог.

Едва Циинь договорил, как заметил, что Цзюфан замер, глядя куда-то за его плечо. Он перестал улыбаться, растерянно моргнул и прошептал:

— Неужели... я уже сплю?

— Цзюфан, ты, проклятый ублюдок! Остановись! Я приказываю тебе остановиться! — голос Хуа Уцзяня сорвался на хриплый крик. Он был в ярости, а сердце разрывала невыносимая боль.

Он попытался броситься к дереву, но наткнулся на невидимый барьер, установленный в нескольких шагах от Цзюфана.

— Цзюфан! Не смей!!!

«Не смей оставлять меня одного!» — но сознание Цзюфана уже стремительно угасало, погружаясь в спасительную тьму.

Хуа Уцзянь, обратив пальцы в когти, вложил всю свою колоссальную силу в один удар, сокрушая барьер, и успел подхватить падающее тело Цзюфана.

— Цзюфан... Цзюфан... Это и есть то, что ты обещал дать нам?! — его била крупная дрожь от дикого, парализующего страха. Потоки демонической энергии вырывались из его тела, отчаянно пытаясь удержать ускользающую Божественную Душу Цзюфана. — Если ты посмеешь умереть, я заставлю все Шесть Миров задохнуться в крови! Разве ты не вечно боялся, что я погублю этот мир? Тогда не смей уходить! Не смей бросать меня! Кто, кроме тебя, станет меня сдерживать?!

— Прости меня... Прости, я был неправ... — глухо зарыдал он, содрогаясь от волны запоздалого, жгучего раскаяния. — Прости меня, умоляю, вернись... Ну же, отчитай меня, накажи... Только не уходи...

Циинь, наблюдавший за этой сценой, пришел к выводу, что юный Повелитель Демонов окончательно лишился рассудка. Тот метался из крайности в крайность: то грозил уничтожить Шесть Миров, то униженно молил о прощении. Его демоническая аура была настолько мощной и удушающей, что ее отголоски наверняка ощущались за сотни ли вокруг.

Сорвав созревший плод, Циинь холодно заметил:

— Оставь надежду. Он не оставил себе пути назад. Его душа не сможет попасть даже на Диск Реинкарнации, так что твои слезы ничему не помогут.

Удивительно, но поведение Хуа Уцзяня совсем не походило на существо, лишенное корня чувств. Напротив, казалось, его любовь была глубже и сильнее, чем у любого смертного.

Внезапно демоническая аура Хуа Уцзяня вспыхнула с новой силой. За его спиной один за другим материализовались десять пушистых хвостов. В руке демона блеснул длинный меч, и он, не колеблясь ни секунды, замахнулся и отсек один из своих хвостов.

Циинь даже не успел среагировать — все произошло слишком быстро.

И хотя у бога не было собственных чувств, в этот миг его сердце дрогнуло:

— Ты с ума сошел! Зачем ты отсек свой Хвост Жизни?!

У лис-демонов Хвост Жизни был лишь один. Потеря остальных хвостов лишала их жизнью, но они могли переродиться вновь. Однако лишение Хвоста Жизни практически уничтожало саму душу существа, обрекая на окончательную гибель. Перед смертью Цзюфан взял с Цииня обещание защитить Хуа Уцзяня, и вот, не успело пройти и получаса, как перед богом встала практически невыполнимая задача!

Пожертвовав Хвостом Жизни, Хуа Уцзянь использовал высвободившуюся колоссальную энергию, чтобы скрепить распадающуюся душу Цзюфана. Затем, преодолевая боль, он насильно открыл Диск Реинкарнации на далеком острове Инчжоу и направил туда Божественную Душу возлюбленного.

— За это ты обязательно заплатишься небесной карой... — пробормотал Циинь.

Взглянув на потерявшего сознание Хуа Уцзяня, который даже в беспамятстве крепко сжимал в объятиях безжизненную плоть Цзюфана, бог покачал головой:

— Впрочем, чего еще ожидать от единственного в Шести Мирах десятихвостого лиса-демона? Невероятная сила... раз уж он выжил после такого. Ладно, долг платежом красен. Я взял плод, значит, должен сдержать слово.

Очнувшись, Хуа Уцзянь не только полностью забыл о существовании Цзюфана, но и лишился рассудка из-за потери Хвоста Жизни.

Он превратился в свирепого монстра, сеявшего ужас по всем Шести Мирам. Для многих он стал желанной добычей, ценнейшим ингредиентом для эликсиров бессмертия, а для старых врагов — легкой мишенью.

В конце концов, когда во время очередного приступа безумия Хуа Уцзянь едва не уничтожил целую провинцию, Бэйхао и Циинь были вынуждены вмешаться. Объединив силы, они умирили его и заключили в Башню Заточения Демонов на священной вершине Куньлунь. Для него это было лучшим исходом: здесь он был в безопасности от чужих посягательств, а мир — от его безумия. Никто не смел требовать его выдачи у Куньлунь, как никто не осмеливался пойти против воли древних богов.

С тех пор прошло семьдесят тысяч лет, которые Хуа Уцзянь провел в холодном безмолвии башни.

На этом анимационный ролик завершился.

Когда экран погас, Июй Цзинжэнь и Шаньцзе Жэньи снова оказались в знакомом лесу у подножия раскидистого дерева. Хуа Уцзянь по-прежнему сидел на ветке. Игроки застыли в ожидании, полагая, что им придется снова как-то взаимодействовать с ним, когда вдруг в тишине раздался протяжный, тоскливый вздох:

— Эх...

Хуа Уцзянь медленно повернул к ним голову. Из-под белой шелковой повязки, закрывавшей его глаза, по его щекам потекли слезы.

[Хуа Уцзянь: Спасибо вам... Спасибо, что помогли мне вернуть мои воспоминания...]

Он слегка взмахнул широким рукавом, и на траве перед игроками появились три резных деревянных ларца.

[Хуа Уцзянь: В этих сундуках хранятся мои величайшие сокровища. Выберите один из них в знак моей искренней благодарности.]

— Братец, выбирай ты, — предложил Июй Цзинжэнь.

Лян Шань не стал скромничать. Он шагнул вперед и коснулся крайнего левого сундука, после чего два других мгновенно растаяли в воздухе.

[Система: Поздравляем! Вы получили:]

[- Плод Девяти Комнат: 3 шт.]

[- Жетон Повелителя Демонов Хуа Уцзяня: 1 шт.]

[- Пурпурно-золотая печать Бога Демонов Цзюфана: 1 шт.]

[- Пилюля воскрешения: 5 шт.]

— Пилюли воскрешения — отличная штука, — заметил Июй Цзинжэнь.

— А все остальное? — поинтересовался Шаньцзе Жэньи.

— Плоды Девяти Комнат и печать Цзюфана я раньше никогда не встречал, а вот жетон Повелителя Демонов — это очень мощный артефакт, позволяющий призывать на помощь десятерых мелких демонов. В общем, улов просто отличный. Братец, заberi себе жетон и пилюли, а остальное мы пока сложим в наше общее семейное хранилище. Потом разберемся, для чего это нужно. Что думаешь?

— Не пойдет.

— М?

— Жетон я заберу, а пилюли воскрешения отдаю тебе.

— Мне они ни к чему, правда. У меня есть свои запасы.

— Ну хорошо. Тогда держи это.

Перед Фан Хэнъи появилось системное окно обмена. Лян Шань протянул ему изящный комплект одежды нежно-розового оттенка под названием «Пышное цветение персика».

Фан Хэнъи на мгновение лишился дара речи. Он быстро открыл характеристики предмета:

[Одеяние «Пышное цветение персика»]

[Характеристики]



[- Физическая защита: +10]

[- Магическое сопротивление: +15]

[- Магическая атака: +10]

[- Физическая атака: +5]

Затем он быстро заглянул на игровой форум, чтобы проверить рыночную стоимость этого набора. Он изумился, увидев цену — пять тысяч золотых монет!

— Братец, зачем ты снова даришь мне такую дорогую вещь? — пробормотал Июй Цзинжэнь, растерянно глядя на экран монитора.

В последнее время Шаньцзе Жэньи буквально заваливал его подарками: изысканные украшения, стильная одежда, обувь, редкие артефакты и ценнейшие пилюли... Каждая из этих вещей не только обладала превосходными характеристиками, но и стоила по меркам игры целое состояние.

<http://bllate.org/book/18195/1751061>